

АРТУР МАРЬЯСОВ

СЛУДТОРА

18+

Артур Марьясов

Садгора

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Марьясов А. В.

Садгора / А. В. Марьясов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В 1991 году наступил перелом в истории Советского Союза. На обломках, западных границах бывшей великой державы, в предгорьях Карпат создавалось новое государство. Национализм разобщал людей, рушились прежние идеалы, дружба и любовь проходили проверку на прочность. Чтобы не потерять себя, недавнему курсанту военного училища - молодому офицеру - нужно принять решение. Есть ли у него право на ошибку и какова максимальная за неё плата? Военно-любовная повесть (именно так автор определил жанр своего произведения) будет интересна как для ровесников тех событий, так и для нынешней молодёжи. Проблема правильного жизненного выбора актуальна во все времена.

© Марьясов А. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Время камней.	6
Минус один.	9
Альма и пенаты.	13
Нулевая отметка.	18
Вот и началось.	21
Знакомство с шефом.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

*Ахтырские гусары,
О, храбрые друзья!
Простите! – на удары
И бранные пожары
Ходить не буду я!
Довольно, пламень ярый!
Вот кивер мой –
Примите от меня.*

Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою.

Генерал-лейтенант, гусар, русский поэт Денис Давыдов, 1784–1839 гг.

Время камней.

Шёл первый год последнего десятилетия века двадцатого. Заканчивалось очередное тысячелетие ото дня, когда в град и мир с востока пришла радость, от которой ожили камни, что раньше были детьми, и загорелась новая звезда. Была то комета Галлея либо в знаке Рыб соединение Юпитера, Сатурна, Марса, Регула или Венеры, либо это был сам Сириус волхвы ни тогда, ни сейчас не сказали. Много, очень много прошло с тех пор лет и зим, зим и лет, так долго не живёт и не бьётся необрезанное сердце человека.

Для радости тоже нужны силы. Многие, слабые или устав, стали сомневаться в причине, другие говорили, что нет вообще даже и повода для радости. Зачем продолжать вести летоисчисление начиная ото дня рождения тени распятого на кресте, если чем дальше, тем больше, готовясь поменять ветхую вторую тысячу на новую модную третью, люди стали совсем отрицать свет в себе и начали мерить мир по размеру собственной тени. И чем ниже над их головами был доставшийся им светильник, тем длиннее становились тени, шире – хранилища и увеличивались воскрилия одежд.

В Советской Руси рушилось то, что вооружённым отрядом уставшего ждать радости пролетариата в октябре по старому, или в ноябре по новому стилю семнадцатого страшного года было создано кровью своей и на века скреплено кровью поверженных несогласных.

Рушилось сверху, засыпая обломками тех, кто внизу, трещало и снизу, сотрясаясь до самого верха. То, что представлялось незыблемым и бесповоротным, дрогнуло, пришло в движение и повернуло вспять. В начале девяностых солнце правды стало вдруг всходить не как прежде с востока на запад, а с просвещённого неонем запада на показавшийся всем полутёмным восток, и при свете луны тени прошлого стали жить своей жизнью.

Первые камни стилизованного под коммунизм фундамента пали, когда одежды съездов располневшей с годами партии, вытолкнувшей подброшенным в бронированном вагоне кукушонком остальных птенцов из родительского гнезда, стали маркироваться большими размерами ХХ – экстра-экстра, что на западный, освещённый рекламным газом манер означает очень-очень.

Тогда стало снова очень-очень страшно от того, что раньше было просто очень страшно. Если раньше единственной дорогой к радости манифестом была объявлена Гражданская война и несогласный с тобой брат должен был быть непременно убит, то так было надо во имя не Бога, а во имя вождя. И так и было. А оставшийся в живых брат должен был отмечать победу над убитым им братом, но мог быть счастлив только тогда, когда был пьян до беспамятства. И так и было. То теперь победителю сказали, что братоубийство, оказывается, не являлось необходимостью. Взяли и повесили, но не двоюродного брата и даже не нового врага, а новый кумач: «Могут быть созданы условия для проведения мирным путём коренных политических и экономических преобразований».

Могут быть мирным путём!? Господи! Почему?! Почему раньше этого не сказали партийцу Каину, зачем он убил единокровного беспартийного Авеля? Чтобы тот не убил его первым? Так вот в чём дело. А стать первым на вершине пирамиды и остаться одиноким – это одно и то же? Это и есть правда? А что из этого тогда есть истина, если она – любовь, и кого любить, если остался один.

Бог ты мой, две тысячи лет как нам сказали об этой формуле, но мы не верили, особенно тщательно не верили весь двадцатый век. Пробовали всё: может – власть, вдруг – мудрость, неужели – справедливость, какую ещё чашу надо испить, во что переодеться, с какого дерева съесть запретный плод? Что же делать, если отказались от любви и кровных уз, вырвали язык у сорванного и разбитого колокола, забыли о былом: чести и совести, достоинстве и великодушии, верности и целомудрии, продолжили грешить и не каяться. Может тогда для счастья

каменного сердца убить ещё кого-нибудь, пусть не родного, но чужого, а может – лучше сразу убить себя, как это сделали любящие супруги Лафарги?

На сложные вопросы мучительной жизни, на мольбу дать панацею или хотя бы обезболивающее олицетворением смерти с кепкой в кулаке в проповеди с броневика были даны простые ответы, которые мы в наивности своей и невежестве услышали, приняли и поверили. А затем коленопреклонённо уверовали в современного фараона, погребённого у старых стен красной крепости в персональной пирамиде с усечённой главой, поражённой мутацией. Стала его дурная болезнь, прогрызшая мозг до дыр, как шашель точит живую плоть, религией об искупающем вину и доводящем до экстаза труде.

Потом поместили прах и наследного сына фараона в формалин, стало дерево сухим и треснуло напополам. Теперь уже не один, а двое лежали в пирамиде, и в два раза больше требовалось бальзама из крови и еля из уст живых, тех, которые занимали свою страшную очередь к урне. Затем превратился культ в культяпку, хотя и вынесли от первой чужой мумии чужую вторую и предали её земле, но продолжали носить её в сердцах, где так и не нашлось места для любви к убитому своими руками родному брату. Пахло из погребальной ямы, накрытой красным гранитом, нафталиновой пылью и отравляющим воздух трупным ядом, выдаваемым за целебный и животворящий озон, который все вдыхали без противогазов.

Чу, как звон забытых далёких бубенцов на упряжке вечно пьяного ямщика, показалось нашли – де-мо-кра-ти-я. Красиво-то как звучит, как музыка. Античность дала миру сами слова «музыка» и «демократия». Но если мы не слышали сказанное из первых уст, что любовь есть истина, то как можно утверждать, что у нас хороший слух и мы правильно всё поняли? И музыку и демократию. Медведь наступил нам не на ухо, он наступил нам на всю голову.

Кому из ныне живущих теперь нужен мёртвый Сократ с его утверждением о том, что нельзя что-либо изменить в музыке без изменений в государственном устройстве и человеческой жизни. Зачем Платон говорил нам, что демократия – это власть завистливых бедняков, ведь демосом – жителями одноимённого престижного района Афин, имеющими права, были граждане, обученные семи свободным искусствам, среди которых была и музыка, не как способ извлечения звука, а как искусство числа. Демос есть структурированное государство охлос. Аристотель, что знаешь ты о том, как сладостна процедура исполнения принципа демократического централизма: подчинения меньшинства большинству, низших организаций – высшим, а как ещё вождеднее обратная революционная история? Очень похоже на любовь такое сношение одного, стоящего на уступах пирамиды, со всеми остальными нижестоящими, и сношение правящего меньшинства с безучастным большинством. Демократия, похоже, передаётся половым путём, но ведь не любовь это и не истина.

И вот в этих родовых трубах демократии по-советски уже вместо античной музыки заиграл рок-н-ролл. Всё закачалось и покатилося. XX партсъезд в пятьдесят шестом году принял решение прекратить строительство советских паровозов и о замене их локомотивами на тепловозной и электровозной тягах. В потугах после Московской Олимпиады следующий съезд в восемьдесят шестом году отказался от строительства коммунизма, решив совершенствовать то, что есть. На крайнем съезде в девяностом году меченый безвольный генсек никаких решений о строительстве не принял, а трёхпалый строитель отказался реставрировать оставшееся немного и сошедшим с наезженных рельсов локомотивом пустил всё под откос.

Пару важных на самом деле для людей вопросов решили все эти партсъезды и выпустили они пар. Но вместо прежнего страха людям снова дали не любовь, а ужас от содеянного, дали не хлеб, а новый камень в ладони. Сжались те ладони в кулаки. Сжались до боли из-за невозможности обрести утраченную в страхе молодость, из-за бессилия полюбить палача, из-за безвозвратности прожитых зим и лет, лет и зим, из-за того, что сами оказались в крови, из-за того, что разучились радоваться и любить. Сжались ладони до боли, а не сжалились над чужою болью.

И многим внутри границ Советской Руси десятилетиями было невдомёк, что на самих границах этих и за этими границами изгнанные за несогласие продолжали жить неубитыми те, кто раньше были их братьями пусть по Родине, а не по матери. Последний из гусар Ахтырского полка умер в возрасте ста двух лет на чужом турецком берегу в крайний день века двадцатого, и хоронили его не мы. На могилах других изгнанников уже давно были наши кресты и наши имена.

Как любить на расстоянии тех, о ком нам даже не сказали? Господи, прости и помоги!

А в это время в сухом саду японского храма Рёандзи, построенном мастером Соами, уже как пять сотен лет лежали в тишине на белом гравии в зелёном мху пятнадцать чёрных камней, по три в пяти грудях. И откуда бы снизу на них ни смотреть, не видно пятнадцатого камня, лежит он загороженный другими камнями. Камень тот всегда разный, но он и есть любовь, он же истина, которые есть всегда, но их как бы и нет. Говорят, что увидеть сразу все камни и этот заветный пятнадцатый может только тот, кто воспарит в воздухе над садом и над горами Нисаяма, тот, кто достиг просветления.

Странные они люди – эти японцы, всё у них как-то сложно и не так, как у простых советских людей: слышащих глухих и зрячих слепых, одними из которых были их дети – курсанты военного училища.

Минус один.

Курсанты первого курса военного училища без особого удовольствия, но особенно вслух не возмущаясь, ходили по залам областного музея изобразительных искусств, расположенного в белокаменной крепости на берегу реки. Древние стены кремля и многочисленных церквей на его территории были побелены снаружи, выглядели красиво, строго и торжественно. Чтобы не смущать молодые умы этой красотой, внутренности храмов тоже замазали известью. Командование в соответствии с учебным планом, утверждённым в одном из управлений Генштаба, проводило обязательное учебно-воспитательное мероприятие по политической подготовке. Были курсанты людьми дисциплинированными, но в разных искусствах не сильно искушёнными. Будущие офицеры в конце восьмидесятых годов двадцатого века считали, что церкви, картины маслом и театры есть пережитки прошлых столетий, восемнадцатого и девятнадцатого. Теперь как им – комсомольцам известно из обязательных для изучения трудов и речей пролетарского вождя, что главное – это кино, на второе место они бы по вкусовым предпочтениям поставили вино, а дальше – кому женщины, кому спорт. Желания что ни на есть здоровые для здоровых молодых парней, хоть в погонах они, хоть без оных. Рафинированных ценителей живописи из них советская родина готовить не собиралась, поэтому сопровождавший их замполит майор Трюкин с пониманием относился к тому, что курсанты привычным темпом, сто двадцать шагов в минуту, прошли насквозь через все залы, в которых поверх забелённых вечных ликов висели в рамках герои своего времени.

Пожилая гардеробщица, похожая на вышедшую на пенсию проводницу пассажирского поезда сообщением Череповец–Москва, сбилась с ног, выдавая одинаковые серые шинели мальчишкам, собранным из всех городов и весей разношерстной и многонациональной страны, одетым теперь в одинаковую зелёную форму с красными погонями и жёлтыми просветами. «Нет, мне вон ту, с сержантскими нашивками». – «А мне вот эту шинель с лычками младшего сержанта. Да, как Вы не разбираетесь, а ещё в музее работаете. Младший сержант – это не как та, предыдущая шинель с тремя полосками, и не как эта с одной широкой – это шинель замкомвзвода старшего сержанта, а мне нужна моя – с двумя полосками. Ага, вот она, спасибо, мать». Широкоплечий, коренастый со здоровенными ручищами командир отделения дал команду: «Отделение, ко мне». Константин посчитал своих. «Где этот мелкий очкастый раздолбай Феликс? Прямо детский сад какой-то. Наберут детей в армию, он-то в училище поступил не из школы, а отслужив до этого почти год в десантуре. Ладно, подождём немного и пока покурим на улице возле входа в музей, а потом надо побыстрее возвращаться в казарму».

Курсанты сегодня встали раньше, чем обычно. Был банный день и их строем, когда ещё было темно, отвели сначала в городскую баню, где дали сорок минут на всё. По-быстрому помывшись, сдав каптёрщику грязное и получив чистое бельё, курсанты водрузили на мокрые ещё головы шапки-ушанки и стали торопиться на завтрак. После него командование обещало, что как сходите в музей – будет вам бонус, пойдёте тогда в увольнение. Из этого курсантская смекалка сделала вывод: чем быстрее освоим музей, тем быстрее пойдём в увольнение. Бог с ним, с этим обедом в курсантской столовке, где мокрой тряпкой воняет тушёная капуста и жесткая кенгурятина, поставленная из Австралии ещё по ленд-лизу, пойдём лучше голодными в кино, в гости к студенткам педучилища. Они заждались, уж замуж невтерпёж (пишем три слова без мягкого знака на твёрдом конце как отрицание общей общественной теории частной интимной практикой), наречия всегда хотели стать наречёнными, может и вина нальют, да у девчонок завсегда и перекусить найдётся.

На улице стояла великолепная солнечная зимняя погода. От предвкушения променада дым сигарет из почти пятидесяти ртов окутал парадный вход так, что страдающая астмой гардеробщица не поленилась выйти на порог. «И чего это вы окаянные дымите, как паровозы до

двадцатого партсъезда. Управы на вас нет. Тут же приличные люди ходят. Товарищ командир, – обратилась она к сопровождающему офицеру, – сделайте одолжение, урезоньте подчинённых, да и для здоровья это вредно». Майор затушил свою сигарету болгарской марки «Ту-134», на пачке которой был изображён взлетающий самолёт, наступив на неё подошвой хромого сапога, и дал команду строиться.

Долговязый, со впалыми щёками и кривыми ногами замкомвзвода старший сержант Родион, до этого прослуживший почти два года в конном «Мосфильмовском» полку, осмотрев вставших в строй курсантов, ещё раз пришёл к убеждению, что красота – она в единообразии, когда все одеты одинаково, похожи друг на друга и никто не выделяется. А нарушение формы одежды есть ничто иное, как нарушение красоты, такого он, принимавший участие в съёмках массовой батальных сцен и на этом основании считавший себя разбирающимся в кинематографии, допустить не может и видит в этом смысл своего бытия. Кроме того, он знаток народных танцев, где мужчины всё делают в такт и одинаково, в чём и заключается хореография. Так хотел думать старший сержант, а когда посчитались, доложил капитану шокая, гёкая и окая: «Усе на месте, за исключением одного з курсантов, его шинель висит у гордеробе, шо значит шо он не у самоволке, дозвольте предположить, шо зодержался у туалете по большому, отправляет естественные надобности так сказать». Родион был горд собой, что так высокохудожественно описал нужду.

«Понятно. Ну, это дело, я вам буду с-сказать, с-сурьёзное, надо ведь не только ок-культурироваться, – замполит в голубых лётных петлицах и с жёлтой нашивкой, напоминающей о контузии вследствие ранения, заикался и был человеком, умудрённым собственным опытом. – Б-будем обождать, в-вольно, п-перекур». Капитан зябко повёл плечами и вошёл во внутрь музея. У него были интимные планы на день, и в эти планы длительное ожидание отсутствующего курсанта не входило.

Ни безусый замполит, ни чисто выбритые замкомвзвода и командир отделения не знали, что совсем не естественная, а какая-то другая, неестественная что ли надобность задержала и не в туалете, а в музейном зале одного курсанта маленького роста с маленьким носом и погонами, на которых не было так вожаденных многими командирских лычек. Так случилось, что пробегая вместе со всеми своими погонными товарищами через многочисленные залы, курсант этот собачьим ухом услышал, как экскурсовод группе гражданских посетителей рассказывает об изображённом в полный рост на картине некоем гусаре, который после удара чуть ли не пушечным ядром в голову остался в строю. Поражённый крепостью костей черепа и духа этого былинного героя Феликс остановился и не поверил рассказу. Ему нравилась военная история, но он в военном училище из лекций по бронетанковой технике и артиллерийскому вооружению точно знал, что ядро крепче головы, поэтому хотел поделиться полученными знаниями с экскурсоводом.

В это время до его слуха донеслось: «На этой копии полотна кисти Кипренского изображён участник наполеоновских войн Евграф Давыдов. Долгое время считалось, что на портрете изображён дальний его родственник легендарный Денис Давыдов, но это не так. Евграф командовал лейб-гвардии Гусарским полком, Лубенским гусарским полком, отличился в битве при Аустерлице, о которой писал Лев Толстой. Был тяжело ранен картечью в левую руку, затем осколком гранаты в правую ногу и контужен ядром в голову, потом ядром ему оторвало кисть правой руки и левую ногу по колено. Но он продолжал состоять на службе в кавалерии».

Феликс через очки смотрел на изображённого молодца с боевыми усами, в белых рейтузах, в красной обшитой мехом куртке со стоячим воротником, опёршегося на саблю, украшенную чернью и золотом, на лежащий поодаль кивер с султаном и не верил своим глазам и ушам. Это изображение, как и портрет Пушкина, было в школьном учебнике литературы, да и Лев Николаевич в прочитанной им единственным из всего класса от корки до корки трёхтомной «Войне и мире» не мог этого всего придумать, такими вещами не шутят.

Экскурсовод продолжала увлекательное путешествие в славное прошлое, что-то говорила она, о чём-то уже домысливал остановившийся как вкопанный от услышанного курсант: «А на этом полотне неизвестного мастера изображён гусар Ахтырского гусарского полка, ведущего свою историю ещё с середины семнадцатого века и принимавшего участие в Северной войне, многочисленных русско-турецких войнах в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века, в битвах за Измаил, Очаков. Во время своих заграничных походов ахтырцы проходили через Карпаты и были частыми гостями Садгоры, по её булыжным мостовым вступали они в город на великолепных лошадях. На сапогах блестели шпоры, на поясе были сабли в ножнах, уста в усах. Женщины бросали им цветы и чепчики. Только гусары-ахтырцы, единственные из всех в русской армии, в знак особой удали и лихости щеголяли серьгой в левом ухе. Серёжка была в виде креста в месяце и называлась Святославова в честь князя, освободившего Русь от хазаров. Сын его, Владимир, был крестителем Руси. Обратите внимание, такая серёжка имеется у нас в экспозиции в соседнем зале. Именно в рядах этого полка в период наполеоновских войн в боевых действиях особенно отличился уже названный Денис Давыдов, талантливый поэт, воспевавший гусарскую удаль. Интересный факт: после взятия Парижа мундиры ахтырцев изрядно обносились, тогда они вновь были пошиты из ряс монахинь из монастыря ордена Капуцинов в местечке Аррас, поэтому мундиры коричневого цвета, и именно по этой причине, а не по той, что вы подумали, служивший в полку поручик Ржевский, известный вам из анекдотов, всегда после третьего тоста поднимал бокал с шампанским за французских женщин».

В музее, казалось, запахло одновременно порохом, шампанским и розами. Нос у Феликса был хоть и маленький, но шёл в комплекте с собачьим слухом, запахи для него имели чрезвычайное, не эстетическое, а скорее информационное значение, как и для любимого им кокерспаниеля, оставленного и ждущего дома с грустными глазами, похожими на глаза хозяина. Курсант не любил вопросов, на которые не знал ответов, поэтому наметил себе по приходу в училище сбегать в библиотеку и узнать, есть ли там книги о гусарах-ахтырцах и действительно всё ли было так, как рассказала экскурсовод. Энциклопедиям и словарям он доверял больше.

«Вот ты где! К-курсант, два наряда в-вне очереди и-и лишение увольнения тебе!» – «За что, товарищ майор?» – «За-за-за опоздание в строй! Бегом в гардероб одеваться и на выход». Трюкин, не дождавись Феликса, пошёл на его поиски, а найдя сам затем ненадолго задержался в соседнем зале, где были выставлены оружие и одежда гусар. Выдав курсанту его шапку-ушанку и серую шинель, одиноко висевшую среди разноцветного штатского платья, гардеробщица похвалила Феликса: «Молодец, не куришь, не то, что эти паровозы». Когда она раньше работала на железной дороге, то очень они ей не нравились паровозы эти, отменённые в пятьдесят шестом году, но увы и ах, годы взяли своё, поэтому теперь у неё – музей, как депо конечной станции. Курсант по-быстрому оделся, подошёл к зеркалу в полный рост, оправился. Так, хлястик на месте, пуговицы на месте, бляха на ремне начищена и блестит, на внутренней поверхности шапки пришита бирка с его фамилией, чтобы не перепутать, значит всё хорошо. И выбежал на улицу.

Пав жертвой своей любознательности и страсти к военной истории с её аппликацией из красочных костюмов, Феликс по прибытии в казарму и не пойдя в увольнение снял парадный китель и заступил в первый из предстоящих двух нарядов. Цветная форма гусара есть его продолжение, тогда как сам курсант есть продолжение своей серой формы. Теперь не содержание определяло форму, а наоборот.

Из его курса триста курсантов-спартанцев сняли свои кирзовые сапоги с портянками, повесили их сушить на табуреты и батареи парового отопления, а сами в ботинках и выходном обмундировании защитного цвета пошли в увольнение. В один момент в тёплой казарме не стало чем дышать. С целью самовывживания Феликс для быстрого проветривания казармы открыл окна настежь. Именно так – настежь, теперь уже с мягким знаком на конце, о чём аби-

туриент настаивал на вступительном экзамене по русскому языку и литературе. Один из членов приёмной комиссии – майор с голубыми лётными петлицами, узнав, что Феликс из семьи военного авиатора, решил помочь и подсказывал, что мягкий знак тут якобы не нужен. Их спор рассудил орфографический словарь, проиграл Трюкин, но Феликс почему-то проигрыш замполита не помнил и был ему благодарен за неудачную попытку помощи.

Будучи чистым телом от бани и душой от музея, он стоял со штык-ножом возле тумбочки дневального и пространно рассуждал о превратностях своей судьбы. «За что наказан? За любовь к искусству? Тогда и не страшно. Как будет следующее увольнение – куплю мороженое и пойду в театр. Кстати, носили ли спартанцы сапоги, были ли у них вонючие портянки? Надо посмотреть в энциклопедии». Осталось подождать всего четыре года и, надев офицерские погоны, он, как Евграф и Денис Давыдовы в шитом мундире со шпорами и саблей, тоже поедет покорять город и женщин.

Но, пока никто не видит, Феликс положил в карман подаренный родителями на 16-летие запрещаемый Трюкиным плеер, включил любимую кассету группы «Nathareth» и в наушниках, скрытых повседневным зимним пэша (так сокращённо и неуважительно называли курсанты своё полушерстяное обмундирование), зазвучало «Love Hurts» противным голосом, который ни с чем не спутаешь.

Альма и пенаты.

Ни с чем не спутаешь чувство, когда тебя считают вором, а ты не брал чужого. Курсантский поход в музей закончился полной неожиданностью. Сразу после ухода курсантов музейщики спохватились и обнаружили пропажу. На всякий случай сообщили командованию военного училища.

Оказывается, из музея украли Святославу серьгу гусара-ахтырца. Ровесница музейной гардеробщицы, бабушка-смотритель зала с экспонатами только руками разводила да причитала: «Да как тут уследишь! Эти мальчишки, курсантики, как саранча сплошь зелёные, во все стороны разбрелись. Я им – ребята, ничего руками не трогайте, не поломайте мне стенды, не топчитесь по коврам! Да, куда там! Не доглядела, а она ж такая маленькая, её ж в карман положил – и ищи, свищи! Была бы из золота, так была бы под сигнализацией. А так – побрякушка из меди, ей только и ценности, что история. Кому она нужна-то. Может упала куда, да затерялась!»

Вечером, когда все курсанты вернулись из увольнения, замкомвзвода Родион приказал всем построиться, положить рядом шинели и повседневную одежду. Потребовал вывернуть карманы и даже снять носки. Щупал каждую складочку, заглядывал под подкладку, смотрел в глаза и спрашивал: «Чи брал, чи не брал?» Серьга не находилась. Дневальный Феликс с брезгливым интересом наблюдал за детективом с лычками старшего сержанта. Тот, поймав на себе недобрый взгляд, скомандовал:

– Дневальный, ко мне!

– Я не могу, мне запрещено сходить с тумбочки.

– А ну, выворачивай карманы.

– Зачем?

– Не пререкайся, делай, что говорят.

Носовой платок, расчёска и комсомольский билет пинкертона не интересовали. Хорошо, что Феликс успел снять с себя и спрятать подальше плеер. Замкомвзвода, расширяя расследование, в поиски вовлёк и командира отделения младшего сержанта Константина:

– Пошли, покажешь, что в тумбочке.

– А что ищите-то, товарищ старший сержант?

– Открывай. Доставай содержимое. Что это? Что это, я тебя спрашиваю? Младший сержант, почему в вашей общей тумбочке лежит это?

– Это?

– Да, именно это.

Константин с покрасневшим лицом шёпотом обратился к Феликсу:

– Твоих рук дело?

– Да, извини, Костя.

Родион, теряя терпение и желая побыстрее раскрыть преступление, в совершении которого он подозревал Феликса, продолжал на него наезжать:

– Это же ты торчал долго в зале, когда мы все ушли!

– Я был в зале с картинами, а в зал с экспонатами даже не заходил!

– А кто тогда взял?

– Что взял?

– Повторяю тогда вопрос. Что это? Что это, я тебя спрашиваю? Зачем?

Родион и Константин ждали ответа. Феликс смотрел на старшего товарища, женатого человека и отца семейства Константина, тот, выждав паузу, сказал: «Ладно, это моё, это я для ребёнка». Родион не поверил и объявил курсанту Феликсу наряд вне очереди за хранение в тумбочке привезённый им из Хибин литой из олова небольшой модели самолёта Ту-144.

Искали похищенный экспонат, а нашли игрушку. Так до окончания училища и ходил слух, что только Феликс и мог стащить эту гусарскую серёжку. Ну, кому она ещё может быть нужна? Ничего Феликс не стал объяснять отцам-командирам о показавшейся им ребяческой выходке с моделью самолёта. Видел он в этом реактивном самолёте скрытый смысл и не собирался с ними это обсуждать.

Вообще, в училище было непросто, но весело.

Берегли курсанты привезённые из дома и запрещаемые командованием тёплые вещи, надеваемые зимой под форму. Трюкин называл их «подвшивниками», хотя вшей в них и в помине не было, но ему виднее. Феликс берёт свитер, связанный мамой, пахнувший подберёзовиками, с северными оленями, пряча его в своей постели между матрасом и подматрасником. Такие же олени были на его вязаной кофте, в которой он маленьким пошёл в первый класс, потому как для него не нашли школьную форму нужного размера. Феликс берёт память об оленях и об Олеге по фамилии Рыбак, который в один из зимних дней не дал ему утонуть в проруби реки в Хибинах. Тогда они, два первоклассника, стали прыгать по льду на спор – кто первый его пробьёт. Треснула, поддалась твёрдая вода и в свои холодные объятия приняла по самые плечи балбеса в оленях. Пошли трещины и к ногам маленького Олега. Не расстался, не струсил, не убежал Рыбак, а помог, вытащил на крепкий лед товарища, хотя сам весь промок. Бежали потом они по морозу и лилась с них вода, стекая и замерзая в валенках. Долго грелись бедолаги в одной горячей ванне, пока валенки и кофта в оленях окончательно не высохли. В другой раз, уже летом, плавали они через хибинскую неширокую речку. Феликс плыл всегда оглядываясь, чтобы понять – когда будет середина реки и когда надо принимать решение: хватит ли сил плыть дальше на тот берег или надо возвращаться на свой. Так научил отец СанИваныч, на лётном языке это назвалось «точкой невозврата», когда пилот над водами Атлантического океана с учётом остатка топлива в баках принимает решение лететь дальше или вернуться на свой аэродром. Олег всегда плыл вперёд не оглядываясь. Где же ты теперь, дорогой МЧС-ник?

Периодически случались дурацкие эпидемии с хлястиками, что остались на курсантских шинелях ещё с кавалерийских времён. Небольшая съёмная деталь, не имеющая сейчас смысла, но якобы являющаяся украшением шинели сзади (странные эротические фантазии у этих военных дизайнеров), имела склонность куда-то пропадать. Стоило исчезнуть одному, как тут же соседние шинели, а за ними и у всего курса лишались этой безделицы, за отсутствие которой, как за нарушение формы одежды, можно было поплатиться увольнением. Хлястиками не делились, а очень их берегли, почти как комсомольские билеты, за утрату которых могли отчислить из училища.

Но поделиться с друзьями можно было мороженым «Бородинское». Батончик с пломбиром в мягком шоколаде, посыпанный орехами, таял ещё в руках. Есть его было неудобно, пломбир стекал по рукам, капал на землю, но это не имело значения. Заветная цель в виде киоска с мороженым была за высоченной оградой с кованой частой решёткой на противоположной стороне улицы Золоторожской и дотянуться до него было невозможно. Но разве что-то может остановить жаждущих курсантов? Они стояли у забора и проходящие мимо них случайные прохожие иногда соглашались выступить их посланцами в киоск. Иногда это препятствие помогали преодолевать девушки, что потом становилось поводом для более длительных знакомств. Некоторые из них несколько раз ходили как бы невзначай мимо забора, пока их не окликали изголодавшиеся юнкера. Ты – мне, я – тебе, вечный всесезонный двигатель отношений между полами, а «Бородинское» есть зимой даже удобнее, чем летом, оно не так тает в руках.

В один из дней Феликс, сменившись с караула, вместо возвращения в тёплую двухэтажную казарму, расположенную в здании, построенном вдоль ручья Золотой Рожок, давшего имя улице, ещё для гренадёрского полка, отличившегося в Бородинской битве, с автоматом на пле-

чах мял снег у забора в ожидании удачного варианта для сделки с «Бородинским». Там курсанта уже с несколькими нашивками на рукаве шинели, свидетельствующими о не первом годе пребывания в ВУЗе, застиг вездесущий майор Трюкин. Разумное объяснение Феликса о том, что он не находится при исполнении обязанностей часового, принято не было, поскольку орфографический словарь оказался бессилён перед упёртым начальством и Уставом гарнизонной и караульной служб. Командир отделения Костя, как мог, попытался отмазать его, в результате замполит объявил всего один, а не три наряда вне очереди, но на двоих с Константином, чтобы им ещё веселее было.

Надо сказать, что решётка ограды не была непреодолимым препятствием для всех. Когда город засыпал, просыпалась не мафия, а любовь. Ведь нет ничего желаннее, чем запретное, а разрешённое через несколько раз становится пресным. При свете луны через ограду с разбегу перемахивали и исчезали в сторону улицы Гжельской тени старшекурсников, в том числе женатика Константина и других, находивших более весёлое занятие для ночи, чем спать одному в казарме. Под утро такие совы бесшумно следовали в обратном направлении, оставляя за оградой посеянные надежды и мятые постели с кружевами. Острые пики кованой ограды добавляли остроты в чувства, бывшие через её край. В этом смысле старший сержант Родион был исключением, поскольку единственным из всего курса мог даже в шинели проходить сквозь, а не через верх прутьев ограды. Его тощий организм умудрялся протискиваться меж них, но куда он ходил – было неизвестно не только замполиту Трюкину, младшему сержанту Константину, Феликсу и другим, но даже ночным феям и русалкам по берегам Золотого Рожка.

Для тех, кому в этом городе идти было ночью некуда, на территории училища стояли телефонные будки с городскими номерами. Будки эксплуатировались нещадно, поэтому зачастую работала одна или в лучшем случае две из трёх. После команды «отбой» у будок выстраивалась партизанская очередь желающих связаться с большой землёй. На другом конце провода томились девичьи уши и сердца, у слов была живая интонация. Это вам не SMS с Т9 и смайликами! Были ещё те времена, когда молодость позволяла ко всему относиться легко, ко встречам и расставаниям, к пунктам и расстояниям. Паузы дыхания между словами кипели тихой страстью.

Курсанты, выходцы из Карпат и Полесья, спорили о значимости своих народов в истории, при этом не ставили под сомнение величие и первенство народа, проживающего вокруг Среднерусской возвышенности Сарматской равнины, простирающейся от Балтики до Урала и от Хибин до Кавказа. Ну это так, как если бы у отца было три сына, первый и двое младших близнецов, которые, повторяя за старшим, меж собой соревнуются. Всегда спор затевал потерпевший банное поражение старший сержант Родион. Он пел, провоцируя и подчёркивая букву «г»: «А я лягу, прилягу на кривую корягу», что очень лично задевало Константина, который будучи младшим по званию только сжимал свои здоровенные кулачища и стращал глазами.

По осени высохшие и опавшие на землю листья полагалось мести. Мокрая опревшая листва пахла подберёзовиками. Ристалище училища надлежало поддерживать в девственном состоянии, не взирая на сезон и погоду. Поэтому курсанты обезьянами залезали на ветви и отряхивали от держащейся ещё сухой листвы окружающие плац деревья. По его бескрайней равнине с мётлами наперевес рыскали курсанты и мели, мели, пока не наступала зима и не начинали мести метели. Снег и сугробы гребли скребками, тёрли лопатами, долбили лёд ломом, и проступала чернота асфальта, приближая долгожданную весну и пока не прилетевших грачей художника Саврасова. Солнце окончательно топило лёд и сушило плац, умываемый дождями и потом курсантов, наматывающих на нём круги бега на занятиях кафедры физподготовки. «Это упражнение для беременных женщин, выполняется спиной вперёд. Освобождение от него – только смерть. Бегом марш! Не снижать темпа, держать строй!», – майор-физрук был неумолим и его хлёсткое слово погнало курсантский табун.

Крепчали юноши, затянутые ремнями. А когда спадали ремни и одежды, мерялись курсанты бицепсами-трицепсами, мышцы после таких занятий росли как опята после дождя. И как ристалище блюли в девственном состоянии, так и мужскую честь в общей бане трусили, тёрли и сушили, готовили к будущим победам. Намывая молодые тела разной степени волосатости и мужественности, они мысленно вставляли в шеренгу по одному, но не по росту, а по убедительности доказательства. По достоинству оценивали размер достоинства. Велик и могуч был широкоплечий младший сержант Константин и не было ему в этом праве равных, тут даже замкомвзвода старший сержант Родион признавал своё поражение в бане. Что изначально положено одним, будет дано другим только в следующей жизни. Феликс делал, что мог, тягая гири и висая на турнике, и вот, глядя на командира отделения, его плечи тоже стали широки, на животе появились шесть кубиков, казалось, что и до заветного приза в трусах недалеко, но эта часть тела культуризму не поддавалась. «Мужики говорят, что женской грудью можно назвать то, что вмещает мужская ладонь. Надо брать себе такой размер, который можешь сам предложить», – успокаивал он себя тем, что хрупкие девушки нравятся ему больше, чем пышнотелые.

Вечерами пропадая в училищной библиотеке Феликс узнал, что гусары старались каждый свой день прожить, а если надо, то и умереть так, чтобы никто не обвинил их в трусости, чтобы взять от жизни не качеством, а количеством. Малым отрядом Денис Давыдов брал в плен превосходящего его кратно по численности противника, так, что был личным врагом самого Наполеона. Имение Давыдова – деревня Бородино стало полем брани, брёвна его родового гнезда пошли на фортификацию. Свой дом отдал Давыдов для победы и до изгнания врага не просил себе ничего взамен. Но, надо знать гусара! После того, как его конь ступил копытом на вражескую землю, потребовал он прислать ему ордена и не какие-нибудь, а именно Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия 4-й степени, которых считал себя достоин. И получил требуемое от самодержца, знать был тот ему не менее того должен!

Читал Феликс и удивлялся тому, что Давыдов в другой раз с пятьюстами кавалеристами у стен Дрездена, за которыми оборонялся пятитысячный отряд, разжёл огромные костры, вид которых так напугал французского генерала, что тот ушёл без боя из города, в который торжественно въехали ахтырцы числом в десять раз меньше, чем у неприятеля. За эту выходку Давыдов был обвинён в том, что сделал это самовольно, ему было приказано сдать свой отряд и ожидать суда. «Как бы то ни было, а победителя не судят», – решил верховный судья.

Не по желанию, а по комсомольской линии Феликс был назначен ответственным за издание «боевого листка» – еженедельной агитки, в которой следовало отражать курсантскую жизнь, какой бы она рутинной не была. В очередной раз, выдумывая повод для марания бумаги, издатель не нашёл более важной новости, как о том, как курсанты младшего курса на ристалище с оружием в руках в торжественной обстановке принимали воинскую присягу. Поскольку на этом все новости были исчерпаны, а внизу «боевого листка» ещё оставалось пустое место, то белое пятно Феликс заполнил рисунком на эту же тему. Не ругайте музыканта, он играет, как умеет. Получился худосочный рядовой с огромным автоматом на плечах и толстопузый кривоногий полковник с шестиконечным орденом на груди, вовсе не похожий на майора Трюкина, который, как оказалось, принимал присягу у курсантов младшего курса. Замполит, по долгу службы просматривая все «боевые листки», наткнулся на карикатурное, как он посчитал, изображение себя и в его лице шарж на компартию. Пикантности этой ситуации добавляло то, что во всём училище только у него был орден, по внешнему виду напоминавший нарисованный. Феликс был обвинён в том, что он никакой не комсомолец, а вольнодумец, что в те времена давало повод для подозрения в измене. Долго объяснял издатель отсутствие злого умысла и причину своей аполитичности, приводил в пример Дениса Давыдова, писавшего басни на самого императора Александра I, за что тот и отправил его из кавалергардов в гусары. Декларировал Трюкину наизусть выученное стихотворение «Голова и ноги», которое не пробрало

замполита. Забрал себе цензор скандальный «боевой листок», который не был опубликован, и эту историю запомнил наряду с мягким знаком в слове «настежь».

Поэтому, будучи наказанным в какой-то очередной, но крайний уже раз, потому как завтра курсантам четвёртого курса присваивали звание лейтенантов, Феликс с начищенной до блеска латунной бляхой ремня, которая только и осталась от всего гусарского блеска, в выходной день заступил по требованию Трюкина в последний свой наряд, даже не выясняя какую именно причину на этот раз придумал замполит с хорошей памятью. Курсанты ушли в город, а неженатый контуженный майор прилёг поспать на солдатской кровати в каморке каптёрщика среди комплектов ставшей уже ненужной курсантской формы. На поросшей редкими волосами груди коммуниста-атеиста теперь на цепочке висел круглый амулет, заменяющий ему православный крест, но очень на него похожий, и были шрамы от ранений и ожогов. Снилось ему, как в посёлке Увал, что на границе с Казахстаном, он, будучи курсантом военно-политического авиационного училища, сидит на занятиях и его спрашивают: «Как правильно перевести на афганский язык слово «настежь»? Не знаете? А если Вас там ранят и будете падать в горящем вертолёте, то как откроете люк настезь с мягким знаком или без?». «Выросли курсанты из детей в мужчин, – размышлял во сне. – Курсанты из Южной группы войск постарались, дали мне кличку Дато Батоно от грузинского «Дато уважаемый». Знают, что заикаюсь и поэтому вместо «дай то» и «дай это» говорю одним словом «дато». А я не обижаюсь, у меня в детдоме с первого по десятый класс похлеще было прозвище – Гусяра, я же в детстве гусарами бредил, вот детдомовские, злые на языки, так и нарекли. Ладно, лишь бы у моих пацанов – курсантов всё было хорошо. Я своего отца не знал, поэтому был им старшим братом, пусть не идеальным, но кто из нас идеален».

В опустевшую тихую казарму на сияющую зеркалом бляху одинокого дневального через собирающиеся небольшие тучки пал луч послеобеденного солнца.

Нулевая отметка.

Послеобеденное солнце последнего летнего месяца приняло в свои тёплые ладони ладный серебристый фюзеляж взлетающего самолёта Л-410, в народе ласкового называвшегося «Элкой», или «Чебурашкой». В пахнущем встречами и расставаниями аэропорту его убытие с нулевой отметки за линию горизонта в числе прочих провожающих внимательно, с тревогой и надеждой наблюдали двое. Ещё не старый седоватый подтянутый мужчина военной выправки и его спутница – моложавого вида женщина, похожая на учительницу младших классов, вытиравшая слёзы хорошо пахнувшим платком. Опытный мужской глаз, но ещё без очков от близорукости, профессионально оценил качество пилотирования и остался доволен. Небольшой симпатичный двухмоторный самолёт легко с середины полосы оторвался от взлётки, ровно набирал высоту и, оставляя в безоблачном небе инверсионный след, занимал положенный ему «воздушный коридор».

Многие годы СанИваныч с полукилограммовым шлемофоном на голове, ещё не покрытой сединой как сейчас, сам держал в руках штурвал, сидя на сложенном парашюте, который, слава несвятой компартии и всем беспартийным святым, ни разу ему не пригодился. Стратегический ракетоносец под его командованием бороздил воздушные просторы почти над всеми океанами, включая Ледовитый и Атлантический. В этих водах и на их берегах в мирное время холодной войны его боевые товарищи – лётчики и члены их экипажей: штурманы, бортиженеры, стрелки, радисты остались лежать навсегда, когда количество взлётов всего на один раз превысило количество посадок.

Время каждого следующего календарного года его военной выслуги лет становилось всё более плотным, непрерывным потоком, который, убыстряясь, нёсся как горные ручьи и реки. А потом вышли эти реки в долины и замедлили свой ход, оказалось, что бежать – это не перманентное свойство воды, а всего лишь одно из её временных состояний. Северный гарнизон, в котором было всё настоящее: молодость, любовь, друзья и жизнь, а также погост, на котором в вечном строю теперь возвышались на надгробных винтах, киях и крыльях прижизненные фотографии молодых ещё мужиков в военной форме, остался в прошлом.

Ему вышла дорога другая – на военную пенсию, в коричневой лётной кожаной куртке сидеть на лавочке и с мужиками играть в шахматы. Прощайте Хибины, где зимой фантастическое северное сияние, летом полярный день сутки напролёт, гектары морошки и подберёзовиков. За бесценнок раздав молодым лейтенантам, только прибывающим на службу, нехитрый скарб, что в квартире на пятом этаже хрущёвки с вечно протекающим по весне потолком составлял его быт и уют, СанИваныч без сожаления даром отдал ключи и от деревянного сарая, служившего гаражом, хранилищем для лыж, велосипедов, санок, пустых канистр, дров и ещё невесть чего, что прилипчивым репейником цепляется за идущего по жизни человека.

Его супруга закончила учительствовать в гарнизонной школе, выучила множество мальчишек и девчонок, чьи родители служили вместе с её мужем. Это была одна большая семья, где никто не спрашивал – почему у тебя такое имя, такие глаза или цвет волос. У детей хороших людей как будто бы не было национальности, по крайней мере все говорили на одном языке, учились по одним учебникам, были последовательно октябрятами, пионерами и комсомольцами. Многие из них из всех городов и посёлков, куда уехали их родители на дембель, потом звонили и писали письма своей первой учительнице. Сообщали об успехах, мол, поступил в институт, вышла замуж, у них самих теперь дети. Были и грустные письма: развелись, кто-то ушёл из жизни. Но в каждом письме и звонке было одно – низкий поклон за то, что увидела в нём (или в ней) человека, и дала этому чувству вырасти. Спасибо за красные звёздочки, что ставила на обложке тетрадки за каждую полученную пятёрку, как в войну за каждый сбитый фашистский самолёт рисовали на своих фюзеляжах наши лётчики.

Феликсу было не семь, как всем детям, а шесть лет, когда учительница младших классов и по совместительству его мама вместе с папой посчитали, что если мальчик умеет читать-писать, самостоятельно ходит в тундру за морошкой и подберёзовиками, то он к школе готов и нечего терять год. В результате такого раннего старта он в шестнадцать закончил школу, поступил в военное училище и в связи с этими событиями считал себя вполне сформировавшейся личностью, не нуждающейся в воспитании со стороны майора Трюкина, заучившего основы научного коммунизма и марксизма-ленинизма, но которому навряд ли были ведомы слова, написанные о себе Денисом Давыдовым в письме сыну: «...с шестнадцати лет моего возраста я сделал сам себе правила, как вести себя во всю жизнь мою, и, держась за них, как утопающий за канат спасения, никогда не торгуясь с совестью, не усыплял её пустыми рассуждениями...». Несмотря на все воспитательные и репрессивные усилия замполита через четыре года неизменный Феликс стал лейтенантом в двадцать лет, когда его ровесники ни о чём таком ещё не думали. Полководец Суворов вообще в двенадцать лет был зачислен мушкетёром в Семёновский лейб-гвардии полк. Так иногда бывает. А между Суворовым и Денисом Давыдовым – прямая связь. Отец Давыдова служил под командованием Суворова, который нарёк девяти-летнему Денису, запомнившему слова полководца на всю жизнь: «Этот удалый будет военным, я не умру, а он уже три сражения выиграет».

Умер генералиссимус в 1800 году, не дожив пару месяцев до шестидесятилетия Дениса, о чём он очень печалился, что не доказал правоту слов Суворова при его жизни. Он доказывал её потом всю свою жизнь, одержав не три, а тридцать три победы.

Улетающий пассажиром в Л-410 выросший, но ещё не повзрослевший сын учительницы и военного летчика, продолжал офицерскую династию, что зародилась ровно полвека тому назад.

Тогда его дед, призванный в июне сорок первого огненного года на службу и отправленный сразу на фронт, в первом же бою получил в Карпатах ранение в руку, что как ни странно, но спасло ему жизнь и определило дальнейшую судьбу. Из госпиталя выздоровевшего раненого солдата-тракториста, уже понюхавшего порох, направили на офицерские артиллерийские курсы, по окончании которых однозвёздный лейтенант ИванПалыч, командуя катюшей, с боями прошёл, а фактически проехал пол-Европы, сначала на ЗИСе, а потом на лендлизовском «студебеккере». По окончании войны ещё два года служил в московских механических мастерских, где техника ставилась на консервацию, а потом и сам вышел в запас гвардии старшим лейтенантом. Работал, говорил с прибаутками: «Вот – сделал, хуже не умею». Не во всём соглашался с сыном СанИванычем, не верил в его рассказы, что самолёты летают по каким-то там «воздушным коридорам». Помилуйте, какие в воздухе могут быть коридоры? Такими мужицкими руками, державшими попеременно то плуг, то меч, Русь и выстояла, выдюжила. Тракторист, комбайнёр, плотник, слесарь – дед-работяга Иван умел, казалось, всё, что можно было делать раненой рукой. Как смог построил дом и вокруг него забор, повторяющий кривой рельеф местности: «Забор – он и есть забор». Если бы не здоровье «соответственно возрасту», то поехал бы в аэропорт провожать внука.

Теперь оба отставных офицера вместе со своими семьями жили в Воронеже, где в войну завод имени Коминтерна изготавливал снаряды для катюш, освободительные залпы которых в исполнении ИванПалыча слышал Рейхстаг, а после войны выпускал мирные экскаваторы. Там же авиационный завод по проектам Ильюшина в войну делал бомбардировщики и штурмовики, отличившиеся в битве за Рейхстаг, а в мирное небо запустил сначала реактивный ракетноноситель Ту-16, штурвал которого держал СанИваныч, а затем и сверхзвуковой пассажирский лайнер Ту-144, утёрший нос британско-французскому «конкорду». Состарившиеся и постаревшие дети Советского государства теперь заслуженно почивали на лаврах, пенсия была достойная, места для игры в шахматы на улице Фридриха Энгельса были забронированы. Государство обещало дать квартиру военному пенсионеру СанИванычу, устроившемуся работать

руководителем штаба гражданской обороны местного горгаза и временно поселившемся в дом к своему отцу ИванПалычу, где в его саду росли замечательные зелёные яблоки. Мама пошла работать уже не в школу, а в райвоенкомат и напутствовала лейтенанта словами: «Сиди смирненько, веди себя хорошо. Лети, сыночек, пока, пока!»

Вот и началось.

А пока чешский самолет на девятнадцать пассажиров доставлял к первому месту несения службы молодого лейтенанта, ровесника и земляка воронежского сверхзвукового Ту-144. На ногах у него поскрипывали неразношенные коричневые туфли чешской же фабрики «Цебо», стрелки на выглаженных утром брюках ещё не помялись, рубашка, тоже сделанная в одной из стран Варшавского договора, на карманах и рукавах была украшена пуговицами с потайными нитками. На коленях лежала фуражка с высокой тульей и плетёным под золото шнуром-филиграном. Образ завершали погоны, где не только звезды, но и эмблема блестели шитыми золотыми нитями. Ателье военторга, расположенное рядом с военным училищем, за умеренную плату добавляло отдельные стежки, и из пехотного офицера получался штабной. Не хватало только гусарской сабли и шпор, но они к туфлям не положены. Военный лётчик из него не вышел – подвело зрение, поэтому кант на фуражке и брюках был красного, а не голубого цвета.

В тон коричневой форменной обуви был чемодан, купленный ещё родителями, который стоял рядом в багажном отсеке. Все вещи Феликса, необходимые на первое время, были в нём. С этим чемоданом он приехал вчерашним школьником поступать в училище, с ним же бывшим курсантом вступал в офицерскую жизнь. Все годы учёбы поместились в его нутро. На дно бережно, чтобы не помялся, был помещён диплом, который не стыдно показать. Любимому деду в ветеранском магазине зачем-то по блату продали модную импортную футболку белого цвета с флагами, как оказалось, несуществующих государств. Дед Иван эту диковинную вещь отдал внуку, и она теперь в качестве выходной покоилась на почётном месте. Полчемодана заняла отцовская военная лётная кожаная куртка. Рядом с плеером магнитофонные кассеты с записями групп «Nazareth» и «Кино». Нашлось место и для складной доски с походными шахматами на магнетиках. Остальное – так, по мелочи. Сверху аккуратно уложен единственный штатский серый костюм, с которого химчистка с трудом свела праздничные следы выпуска из военного заведения.

Посидели хорошо, все были как свои. На первой офицерской попойке во главе сидел майор Трюкин. Феликс сидел рядом с Константином и пил своё любимое шампанское. Лейтенанты всё в шутку спрашивали Феликса, будет ли он прокалывать себе ухо под музейную гусарскую серьгу. Трюкин для поддержки разговора рекомендовал посмотреть «Гусарскую балладу», очень ему этот фильм нравился, особенно девушка в форме гусара. Проигнорировал мероприятие только Родион, который опасался, что ставшие равными с ним курсанты-лейтенанты могут подшофе всё ему припомнить. Весело обсуждая дезертира компания пришла к выводу, что если кто и мог стащить серьгу и спрятать её так, чтобы в казарме не нашли, то это был сам старший сержант замкомвзвода Родион, только у него была отдельная комнатка. Иногда алкоголь улучшает память и добавляет смелости в поисках справедливости, хотя это медициной и не доказано.

Сидя в отдельном комфортном кресле у иллюминатора лейтенант через очки всматривался в пробегающие внизу картинки незнакомой ему местности и шурился то ли от солнца, то ли от удовольствия. Малооблачный горизонт в круглом окне объединял в одну радостную картину синее небо и золотые поля пшеницы. В нагрудном кармане рубашки у самого сердца лежало предписание: приказом таким-то назначить его помощником военного коменданта гарнизона Садгоры. Текст на официальном бланке с гербовой печатью был написан каллиграфическим почерком младшего сержанта Константина – курсового писаря и по совместительству его командира отделения. Их кровати в опостылевшей казарме разделяла, а на самом деле объединяла одна на двоих тумбочка. Лейтенант Костя, родом из Полесья, в морском чёрном мундире убыл служить в ставшие родными для Феликса Хибины, а лейтенант Феликс в зелё-

ной форме – в Карпаты. Всё смешалось, но в пока ещё единой, большущей стране, еле вместившейся между Кёнигсбергом и Сахалином, каждому нашлось своё место.

Феликс улыбнулся, вспомнив о случае, определившем его судьбу. Когда из различных структур представители, которых называли «покупатели», стали на последнем году обучения в училище проводить пятиминутные интимные беседы с выпускниками, его почему-то мучали дольше других. Феликс тет-а-тет доложил кадровику-подполковнику как на духу: офицером ещё в школе решил стать потому, что есть пример отца, кроме того, если бы призвали солдатом, то жаль было бы впустую терять два года. Учился всегда хорошо, но брал скорее не талантом, а усердием. Люблю историю, театр, спорт – нет. Серьгу гусара-ахтырца из музея не брал. Кто взял – не знаю. Русский по национальности, но важно ведь не какая у тебя группа крови на рукаве, а служишь ли ты под колоколами или под колокольчиками. Как это объяснить? Примерно так: чувствую себя римлянином – гражданином Рима, а не итальянцем из пиццерии. Был как-то в Карпатах, очень понравились знаете ли чебуреки с местным пивом, хотелось бы повторить, да и страну посмотреть не мешало бы. Подполковник-кадровик разделял такие же вкусовые предпочтения и посчитал непосредственность наглеца за удачную шутку комсомольца, записав пожелания в свой блокнот. Феликс обратил внимание на то, что на обложке блокнота была изображена зебра. Вроде серьёзный человек, а какая-то зебра на блокноте, в котором решается его судьба. Полосы белые, полосы чёрные. Была ещё одна причина – сердечная, но о ней Феликс умолчал до времени. Про деда Ивана, получившего ранение в этих местах, не говорил, так как отец его – прадед Павел был как раз тут репрессирован, и неизвестно как к этому факту отнёсся бы «покупатель». Курсанты в связи со столь долгой беседой кадровика с Феликсом занервничали и заревновали, особенно старший сержант Родион, который был родом из Карпат.

Но если с кадровой службой шутки ещё прокатывали и воспринимались, то военная контрразведка шутить не любила. Использованный ею в училище в качестве сексота старший сержант Родион был отправлен служить командиром взвода на Байконур. Замкомвзвода сделал свой выбор и жаловаться ему было некуда, о чём он дал соответствующую подписку четыре года тому назад. Ему в качестве материального вознаграждения родиной был положен двойной оклад за службу на секретном объекте, а в качестве моральной компенсации Феликсом были переданы в безвозмездное и бессрочное пользование подошедшие ему по размеру Феликсовы офицерские хромовые парадные сапоги. Они ему нужнее в степи-то.

Салон самолёта был полон, но никто из пассажиров не привлекал внимания лейтенанта. Ему виделись картины становления, когда он с соблюдением субординации, но с достоинством представляется старшим офицерам, а те принимают его сначала за своего, а затем и за равного. Когда сможет показать и доказать им, что он не зря постигал уставные истины, нёс внутреннюю и караульную службы, ходил строем, чистил плац от снега, что он умеет обращаться с секретными документами, рисовать на картах синим и красным карандашами, снимать и надевать противогаз, писать и отдавать приказы, брать и нести ответственность, знает, что делать, если вдруг будет ядерный взрыв. Когда вечером после службы можно так, по-свойски, предложить отцам-командирам выпить чего-нибудь. Да, конечно, шампанского, ну или «Советского игристого», что мы, товарищи офицеры, – не гусары, что ли. Пиво и водку не предлагать.

При взлёте и посадке заложило уши, как тогда, в детстве. Как-то раз у дошкольника Феликса от чрезмерной чистки ушей образовалась так называемая серная пробка, от которой он временно оглох. Слышно было как через вату. В гарнизоне Хибин медсанчасть была одна на взрослых и их детей. Маленький Феликс сидел в стоматологическом кресле (а других и не было) и с ужасом слушал, как в соседнем кабинете молодому матросу, щеголявшему в мороз в бескозырке на затылке, теперь лечили гайморит путем прокола шприцем в носу. Тому было очень больно, потом он стих. В кабинет вошёл дядя в белом халате: «Ну-тес, что у нас? Ага, по латыни это называется керумен, будем лечить вашего мальчика!» Мама держала сына за руки, а военный врач дядя Николай, не слушая его протесты, просто взял и без боли вынул

эти пробки, и слух его с тех пор стал, как у собаки. Вот если бы так ещё можно было зрение поправить в одно касание.

Подлетали. Лайнер «зашёл на коробочку», дал крен и из-под крыла левому ряду сидений предстал город во всей своей красе. Это было что-то: Садгора через разбросанные тут и там облака сияла куполами православных храмов и соборов, шпилями католических церквей, костёлов и базилик. По холмам, на которых уютно разместился город, от площадей и парков разбегались в разные стороны улицы. В глазах рябило от сказочного, какого-то даже пряничного или открыточного вида, и Феликсу показалось, что ему привиделся Город-Сад, град мечты. Он сравнил увиденное с военным городком из нескольких хрущёвок, затерявшихся между северных сопок, поросших карликовыми берёзами, в котором прошли его детство и юность... Да, какое там, по сравнению, никакого сравнения и быть не могло!

Посадке всегда радуешься больше, чем взлёту. Двигатели набрали другие обороты и самолёт задрожал. Так всегда дрожит настоящий артист перед выходом на сцену, который волнуется, хотя выступает уже не первый год. Волнение лётчика через штурвал передалось на фюзеляж, крылья, но улеглось, когда шасси коснулись полосы. В салоне послышались заслуженные аплодисменты. Bravo, маэстро-пилот театра «Аэрофлот», но на бис делать это не просим. Тем более, что мысли Феликса давно уже были не в небе, а на представшей райской земле. Лайнер немного пробежал и остановился возле здания аэровокзала. Надев и по линии носа выверенным жестом поправив фуражку, взяв в руки чемодан и галантно пропустив пассажиров (тут он сквозь очки заметил, что в салоне всё-таки летело несколько молодых дам, а одна была даже очень ничего), офицер лёгкой походкой сошёл с борта. Его прибытия ожидал водитель-солдат, прикомандированный к комендатуре. «Вас ждёт комендант», – доложил рядовой, представился Василием и протянул руку за чемоданом. Феликс назвал себя, забыв про отчество, и сам понёс чемодан к машине. Водитель недоуменно посмотрел на офицера, но лейтенанту было не до этих формальностей. «Потом, – думал он, – всё потом».

Зелёный армейский уазик, обшитый изнутри тканью серых солдатских шинелей, уверенно двинулся из аэропорта к центру города, где размещалась комендатура. Василий, оказавшийся ровесником помощника коменданта (по-честному сказать он был даже на пару лет старше), по-русски, но с каким-то произношением, как у Феликсовых родственников со Ставрополя, мягким – согласных и неторопливым – гласных, кратко отвечал на вопросы лейтенанта, которому предстал скупой словесный портрет начальника: строг, но справедлив, полковник. «Молодец, не болтлив», – подумал про рядового вчера родившийся лейтенант, а самого так и подмывало на разговор, день то был нерабочий – суббота.

Знакомство с шефом.

Суббота для большинства людей – день либо выходной, как при пятидневке, либо сокращённый – это если в неделе целых шесть рабочих дней. Но эти нюансы сегодня не привлекали внимания коменданта Садгоры. Полковник МихалЮрич пятидесяти лет, седой, подтянутый, в отлично сидящем на нём мундире, оставив дома молодую жену, ждал в кабинете свежеспечённого лейтенанта, за которым послал своего водителя. Вакантную должность его помощника не мог занять кто угодно. Комендант не хотел, чтобы получилось, как в прошлый раз, когда кандидатуру его старшего помощника с ним не согласовали, а прислали какого-то гуся из Гусь-Хрустального, где делают фужеры, рюмки и бокалы, по которым старпом оказался специалистом большим, чем по Уставу гарнизонной и караульной служб. «Покупатель» подполковник-кадровик раньше служил под его началом в Туркестане и из уважения к бывшему шефу проинформировал его о претенденте. Полковник кандидатуру рассмотрел, и Феликс чем-то ему подошёл. У них обоих мамы были школьные учителя. А то, что курсант не рассказал кадровику об артиллеристе деде Иване, получившем ранение в Карпатах, и о репрессированном прадеде Павле, это уже никого теперь не интересовало, хотя и стало известно советский военной контрразведке и соответственно коменданту.

Прадед Павел в войну, которую потом победители назовут Гражданской, хотя по способам убийства живых людей войны не бывают военными и гражданскими, хлебопашествовал где-то между Карпатами и Воронежем. Земля была жирная, но работать на ней надо было не покладая рук и ему и старшим детям, в семье их было семеро, Ваня – младшенький. Много ртов – много закромов, но собранного едва хватало для себя, если что и продавали на ярмарках, то так, чтобы жене купить платок, себе – сапоги, детишкам – по прянику. Пил по праздникам, молился и снова грешил. К лошади и корове относился как к кормилицам, тут русские с индусами расходятся. Но не обошла смута и его хутор, зачастили по очереди вояки всех цветов и оттенков радуги: белые, красные, зелёные. Все были охотники до чужого хлеба. Говорили красиво, а поступали как уроды, грабили крестьянина люто. В последний раз, когда уже и отдавать было нечего, потому как осталось только на посев, пришли во главе с матросом в чёрном и за закопанный в сарае мешок объявили его врагом их матросского народа и отправили с семьёй в Читку. Дед Павел там уже не пил и не грешил, а только молился о том, чтобы не дознались про захороненного им в восемнадцатом году в огороде гусара в коричневом то ли сукна, то ли от запёкшейся крови мундире, который раненым приполз, но не выдюжил и помер. Стал временный постой гусара вечным ему погостом. Не услышали молитву небеса из-за плохой погоды, но прочуяло про то всепогодное Чека и оставило оно только смутную память о Павле, Ваню сделало сиротой, стал детский дом его новым приютом. Спасибо, что не дали сгинуть фамилии. Таким образом царь хлебных полей Павел родил Ивана, царь поля брани Иван родил Александра, царь взлётного поля Александр родил цесаревича Феликса, больше похожего на голубя со шпорами, чем на цесарку. В общем, такая царская родословная у лейтенанта. Денщик, подай коня и саблю гусару!

Комендатура располагалась в одном здании со штабом дивизии, но имела отдельный выход на улицу. Небольшой, но уютный дворик с металлической скамейкой у входа, над которым рос виноград, заплетая своими ветвями ближайшее окно. У скамьи – чёрная чугунная мусорница с каким-то орнаментом, предназначенным, видимо, для любования. Побелённые бордюрный камень и колесо от грузового автомобиля, использовавшееся в качестве самодельной клумбы для цветов, завершали эту нехитрую композицию. Забрав с собой диплом и предписание, оставив в узике чемодан и очки, а фуражку водрузив на голову, молодой офицер бодрым шагом проследовал внутрь здания мимо этой не сразу увиденной и оценённой им красоты.

Конечно, внешнее великолепие было исключительно плодами трудов полковника, а в Туркестане он даже умудрился создать бассейн с золотыми рыбками, за которыми следила секретарша, ставшая впоследствии его женой. Без должного присмотра бассейн захирел сразу после его убытия в Садгору. Комендант был коммунист и молодец, поэтому, где бы он не обосновывался, на свой вкус обустроивал и окоп, и быт. Ему нравилось, когда вокруг него всё расположено соответственно складу его души, когда ночные тапочки и подчинённые всегда под рукой.

«Разрешите доложить! Лейтенант такой-то прибыл для прохождения службы!», – Феликс отрапортовал, как учили. Полковник, сидя за двухтумбовым столом с зелёным сукном, изучающе молча смотрел некоторое время на стоящего лейтенанта в шитых погонах и модной фуражке, затем предложил присесть за приставной стол. На суконной поверхности громоздился чёрный телефон военной связи с жёлтыми клавишами для включения разных линий соединений и круглым диском набора цифр, стояли лампа с абажуром из зелёного стекла, а также печатная машинка «Mercedes», помнившая ещё пальцы австро-венгров или поляков-литовцев, на которой сохранилась клавиша с буквой «і». Комендант, надев на нос очки в позолоченной оправе, внимательно изучал диплом и выписку с оценками, пока Феликс от нетерпения ёрзал на стуле, а муха пыталась найти возможность пробить оконное стекло и вырваться на улицу. «На вещевое и финансовое довольствие, а также на комсомольский учёт станете в штабе. Питаться будете в столовой военторга. Водитель отвезёт Вас в офицерское общежитие. Жить будете в отдельной комнате. На службу в 8 часов в понедельник», – комендант был предельно лаконичен. Первое знакомство состоялось. «Василий прав: полковник строг, но справедлив», – подумал новоявленный помощник коменданта, а вслух, желая разрядить казённую обстановку разговора, пошутил, что, мол, ещё суббота, а он уже, дескать, на службе – смотрите какой герой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.